

О постиндустриальной концепции

Постиндустриальная (она же информационная) теория является весьма представительной и академически стройной концепцией, описывающей изменения, происходящие в современной экономической и социальной жизни общества. Некоторые авторы небезосновательно считают эту теорию наиболее обоснованной и адекватно отражающей сегодняшние процессы. Между тем, при ближайшем рассмотрении совокупность идей, объединенных в постиндустриальной концепции, оказывается набором, состоящим из, во-первых, бесспорных и очевидных фактов, во-вторых, крайне дискуссионных положений, являющихся предметом острых теоретических споров представителей разных теоретических традиций и, в-третьих, внешне весьма привлекательных и красивых тезисов, возникших, однако, на почве политкорректности, а не строгого научного анализа. Такое сочетание неизбежно порождает некоторые весьма сомнительные наблюдения и выводы.

Постиндустриальная концепция зародилась в период последней научно-технической революции, пришедшейся на начало второй половины прошлого века. Результатом НТР стали резкое повышение роли знаний в экономике и повседневной жизни людей, развитие информационных и коммуникационных технологий, тотальная компьютеризация всех аспектов деятельности человека. Интеллект, знания, информационные ресурсы стали решающим фактором, определяющим уровень развития экономики во всех уголках мира. Эти объективные процессы требовали теоретического осмысления, и оно появилось в виде разнообразных направлений теории постиндустриализма.

Еще одним очевидным наблюдением является то, что в последние полтора десятилетия, после распада «социалистического лагеря», произошла победа капитализма в мировом масштабе. Осталось совсем немного государств с отличной от капиталистической социально-экономической системой. Разумеется, современная форма капитализма разительно отличается от более ранних его форм, развитые капиталистические государства добились гораздо более высокого уровня «социализации» жизни своих граждан, чем в свое время любая формально социалистическая страна. Однако это совершенно не отрицает того, что в основе экономики развитых стран лежит главный капиталистический принцип бесконечного накопления капитала и максимизации прибыли, хотя он под влиянием негласного «общественного договора» и завуалирован под политику социального обеспечения населения.

Как ни странно, определенные теоретические построения постиндустриализма идут вразрез с такими наблюдениями. Даже несмотря на то, что Дэниел Белл прямо указывал на противоположное, у нас уже попал в учебники тезис о том, что развитие информационной экономики означает упадок капитализма и его смену иной формой общественного устройства. Очевидно, этот тезис вызван к жизни широкой популярностью концепции постэкономического общества Владислава Иноземцева. В ней автор попытался объединить положения формационной и информационной теорий, относящиеся к историческому прогрессу общества. Он говорил о том, что черты третичной (постэкономической) формации в построении К. Маркса весьма напоминают сегодняшние постиндустриальные процессы и их отображение в соответствующей теории. Поскольку же капитализм в формационной теории является этапом вторичной (экономической) формации, то отсюда логически следует, что постиндустриальная экономика является не этапом капиталистической, а ее преемником.

Мало кто обратил внимание на два факта, на которые указывал сам В. Иноземцев. Во-первых, постэкономическая концепция является не устоявшейся теорией, а научной гипотезой, побуждающей к дальнейшим дискуссиям. А потому подавать ее выводы как научно обоснованные факты не всегда уместно. Тем более когда речь идет о таком спорном тезисе, как отмирание капиталистических отношений в развитых постиндустриальных государствах. Во-вторых, и это еще более существенно, в одной из своих статей В. Иноземцев подчеркнул, что его теоретическое построение не относится к какому-либо существующему сегодня процессу; оно имеет именно футуристическое, прогнозное

значение. Иными словами, вполне возможно, что сегодня закладываются основы процесса, который в будущем действительно приведет к исчезновению капиталистической формы общественного устройства. Но говорить об этом как о свершившемся факте, по меньшей мере, преждевременно.

Впрочем, последние дни капитализма могло бы предвещать, например, исчезновение экономической эксплуатации. Постиндустриализм радостно берет этот тезис на вооружение, ведь слово «эксплуатация» имеет очевидную негативную эмоциональную окраску. Логика здесь такая, что в новых условиях важнейшим экономическим ресурсом, средством производства являются знания человека, которые от него неотделимы. А в основе эксплуатации, по К. Марксу, лежит отделение рабочей силы от средств производства, находящихся в собственности капиталиста-предпринимателя. Поскольку же в информационном производстве отделение личного фактора производства от вещественного отсутствует, то отсутствует и эксплуатация.

Чтобы разобраться в сути подобного утверждения, следует напомнить, что эксплуатация – это явление, при котором часть выручки от реализации продукта, созданного работниками, присваивается собственником средств производства, а труд оплачивается лишь частично. Доход от эксплуатации можно называть доходом паразитирующего класса капиталистов, а можно гораздо более нейтральным понятием предпринимательской прибыли, но природы самого явления это не меняет. Причина заключается в том, что в традиционном производстве необходимо нести затраты материальных и трудовых ресурсов на создание каждой единицы товара. Соответственно, и выручка от реализации продукции делится на субъектов, поставляющих в производственный процесс каждый из этих ресурсов.

Выручка от реализации информационного продукта (например, программного обеспечения или музыкальных компакт-дисков) имеет совершенно иную природу. Она в общем случае никоим образом не связана с трудовыми затратами на производство такого продукта, поскольку разным покупателям продаются, как правило, одинаковые экземпляры одного информационного продукта, а их создание происходит путем тиражирования, себестоимость которого в современных условиях пренебрежимо мала. С другой стороны, количество реализованных экземпляров такого продукта заранее неизвестно, поэтому выручку от продажи можно заведомо спрогнозировать очень условно.

Поэтому оплата труда по созданию информационного товара происходит по несколько иной схеме, чем традиционно. Определенную, заранее оговоренную сумму получает непосредственно автор музыкального произведения или компьютерной программы. Эта сумма может полностью соответствовать трудовым затратам автора (с оговоркой на то, что объективная зависимость, позволяющая оценить определенное количество труда определенной суммой денег, не определена до сих пор). По крайней мере, автор может рассчитывать на получение того денежного вознаграждения, которое он сам субъективно считает справедливым.

Вторую часть выручки получает предприниматель (продюсер, маркетолог, руководитель компании, занимающейся программированием и т.д.), непосредственно занимающийся реализацией продукта на рынке. Поскольку выручка заранее не определена, то доход этого субъекта становится платой за риск в чистом виде. Мы получаем полное соответствие природы предпринимательской прибыли тому, как природа этой прибыли рассматривается в теории.

В такой ситуации вопрос о наличии эксплуатации становится очевидно противоречивым. Получает ли автор интеллектуальной продукции всю выручку от ее продажи? Нет, не получает. Следовательно, имеет место эксплуатация. С другой стороны, оплачивается ли труд автора меньшей суммой, чем та, которую автор сам считает справедливой? Снова нет, создатель такого продукта в принципе может получить адекватную своему труду компенсацию, а значит, эксплуатация отсутствует. Более того, создателю продукта никто не запрещает самостоятельно заняться его продажей и присвоить полностью всю выручку. Другое дело, что в большинстве случаев, когда речь идет о продукте коллективного интеллектуального производства (творчества), самостоятельная

реализация знаний на рынке является неоправданной, поскольку трансакционные издержки становятся слишком высоки. В другом случае сложность или объемность требуемого информационного продукта делает невозможным его создание в одиночку. Таким образом, в новой экономике важная роль предпринимательства сохраняется, однако теперь предпринимательство и «эксплуатация паразитирующим классом» – это отнюдь не одно и то же.

Есть и неполиткорректный факт. Да, возможно, интеллектуализация труда освобождает человека от трудовой эксплуатации, а его труд превращается в приносящее удовольствие творчество, *homo economicus* становится *homo creator*. Однако этот тезис относится лишь к меньшинству населения. Многие люди в силу своих личностных особенностей объективно не способны заниматься продуктивной (с точки зрения востребованности на рынке плодов творческого труда) интеллектуальной деятельностью, они не могут, в формулировке некоторых авторов, «усваивать, перерабатывать и генерировать новую информацию». Да и не нужно это, ведь и аграрный, и индустриальный секторы занятости никуда не исчезают. Но прямо говорить об этом было бы некорректно, а настаивающие на такой точке зрения рисковали бы быть обвиненными в дискриминации. Кроме того, констатация того, что лишь некоторые (а не все) люди становятся активными субъектами экономики знаний, нарушит стройную логическую конструкцию апологетов информационного общества. Поэтому возникают завуалированные формулировки-эвфемизмы этого тезиса наподобие новой социальной стратификации на основе степени доступа человека к знаниям; очень мягкого указания на то, что не все люди могут быть заняты в информационном секторе, поскольку кто-то должен выращивать овощи и строить дома; того, что знания (а не их носители-люди) являются дефицитным ресурсом и т.д.

Еще один из популярных в рамках постиндустриализма тезисов – о благотворном влиянии интеллектуальной собственности на все аспекты социально-экономического бытия. Это вообще парадокс в себе. На что только не влияет интеллектуальная собственность – и на исчезновение эксплуатации, и на возможность для каждого человека максимально раскрыть свои творческие таланты и способности, непрерывно развиваться и самосовершенствоваться, и на темп экономического роста, и даже на религиозную жизнь. Интеллектуальная собственность возведена в ранг чуть ли не высшего блага нового общества.

Между тем, существующий сегодня правовой режим интеллектуальной собственности прямо противоположен идеалам информационного общества. Идеалом, насколько можно понимать, является максимальное распространение информации и знаний на благо всего человечества. Главная функция интеллектуальной собственности прямо противоположна – всячески препятствовать безвозмездному распространению человеческих знаний и продуктов деятельности его разума. А если они и распространяются – то только за соответствующую плату. Да и как может интеллектуальная собственность быть органичной частью нового общества, если она является прямым порождением индустриального социума, зародившимся, между прочим, полтысячелетия назад. Думается, всю суть интеллектуальной собственности исчерпывающим образом характеризует одно из ее названий, использовавшихся в XVI-XVII вв. Ее называли монополией. По сути, действительно, она представляет собой дарованное автору государством монопольное право произвольно ограничивать распространение продуктов его творчества.

И это с точки зрения индивида можно понять, поскольку интеллектуальная собственность дает ему возможность продавать плоды своего труда и не принуждает работать бескорыстно. Но в таком случае не следует идеализировать новое информационное общество в части тотальной доступности в нем информации и высокого интеллектуального потенциала его членов. Эти тезисы справедливы, но отнюдь не для любой информации и не для всех людей. Впрочем, о последнем постиндустриальная концепция закономерно предпочитает умалчивать.